

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.15393/j9.art.2021.10182

Топос «стояние на костях» в древнерусских повествованиях о битвах

Л. В. Соколова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: liiso@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается топос «стояние на костях», встречающийся в рассказах о битвах XIII–XVII вв. и связанный композиционно с повествованием о завершающем этапе сражения, с победой одной из сторон. В летописях этот топос чаще всего реализуется устойчивой формулой «стал(и) на костях» со значением «оставил(и) за собой поле битвы, победил(и)», относящейся к князю или к воинам в целом; в других случаях сообщается, сколько дней воины-победители «стояли на костях» (т. е. на месте сражения). Наибольший интерес представляет употребление топоса «стояние на костях» в памятниках Куликовского цикла. В «Летописной повести о Куликовской битве» в формулу «стал на костях» добавлено определение «татарских», что вводит мотив попрания поверженного врага. В «Сказании о Мамаевом побоище» устойчивая формула «стал на костях» (победил) употреблена по отношению к князю Владимиру Андреевичу, которого автор, вопреки традиции, изображает главным героем сражения. В то же время далее подробно описывается ритуал «стояние на костях» воинов-победителей во главе с Дмитрием Ивановичем и сообщается, что «*стояль* князь великий за Дономъ на *костях* осмь дней», хороня убитых русских воинов. В Синодальном списке «Задонщины» топос «стояние на костях» содержит лишь описание «радости великой» русских воинов по поводу победы и захваченных богатых трофеев. Как древнерусские авторы, так и современные исследователи по-разному понимали смысл и значение ритуала «стояние на костях», отразившегося в произведениях поэтов и художников.

Ключевые слова: воинское повествование, памятники Куликовского цикла, топос, воинская формула «стал на костях», воинский ритуал «стояние на костях»

Для цитирования: Соколова Л. В. Топос «стояние на костях» в древнерусских повествованиях о битвах // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 105–148. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10182

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.10182

The *Stoyanie na Kostyakh* Topos in Ancient Russian Battle Narratives

Lidia V. Sokolova

*The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
The Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)
e-mail: liiso@mail.ru*

Abstract. The article presents the analysis of the *stoyanie na kostyakh* (standing on bones) topos, which is present in battle narratives of the 13th–17th centuries. In battle chronicles this topos is most often expressed by the verbal formula *stal na kostyakh* (meaning “he has won”), referring either to a prince or to soldiers in general. Instead of the formula *stali na kostyakh* (they have won), it is sometimes reported how many days the victorious soldiers *stoyali na kostyakh*, that is, how many days they stayed at the site after the battle. The most interesting use of the topos is revealed in the *The Tale of the Battle with Mamai*. In this text the fixed expression *stal na kostyakh* refers to Prince Vladimir Andreevich, whom the author depicts as the main hero of the battle, despite tradition. At the same time, the author provides a detailed account of the *stoyanie na kostyakh* ritual performed by the victorious soldiers led by Dmitry Ivanovich and reports that “the great prince has been standing on the bones for eight days behind the Don.” Both ancient Russian authors and modern researchers understand the meaning of this ritual reflected in the works of poets and artists in different ways.

Keywords: military narrative, monuments of the Kulikovo cycle, topos, military formula “stal na kostyakh”, military ritual “stoyanie na kostyakh”

For citation: Sokolova L. V. The “Stoyanie na Kostyakh” Topos in Ancient Russian Battle Narratives. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 105–148. DOI: 10.15393/j9.art.2021.10182 (In Russ.)

А. С. Орлов в работе «Об особенностях формы русских воинских повестей» отметил, что «воинские повести составляют отдельный литературный род, который выработал себе целую группу постоянных формул — *loci communes*», и поэтому «формулы воинских повестей в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо

знакомого книжникам литературного рода» [Орлов, 1902: 1]. Эти особенности воинских повестей формировались, по мнению автора, под стилистическим воздействием летописей, где «почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях» [Орлов, 1902: 1]. По мнению ученого, группа *loci communes* установилась очень рано, уже в XI–XII вв. Он привел 17 «общих мест» воинских повестей при описании боя, указав произведения, в которых они использованы. Среди них — как устойчивые словесные формулы (например, «соступишася... и бысть съча зла», «за руки емлющася съчаху»), так и общие эпизоды воинских повестей («изображение многочисленности войск», «выражение усталости», «помощь небесной силы»), которые могли реализовываться не одним, а разными устойчивыми словосочетаниями. К «общим местам» воинских повестей А. С. Орлов отнес также образы зверей и птиц в боевых описаниях, «стереотипные схемы последовательного действия (напр., неудача, затем плач, молитва и т. п.)», а также «известную идею, патриотическую или религиозную (напр., наведение неприятелей по действию дьявола, грѣхъ ради нашихъ и т. п.)» [Орлов, 1902: 6]. В другой работе А. С. Орлов проанализировал воинские формулы в исторических повестях XVI–XVII вв. [Орлов, 1909].

Отталкиваясь от исследования А. С. Орлова, Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что «не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор “формул”, а предмет, о котором идет речь. <...> Воинские формулы могут встречаться в житии, житийные формулы — в воинской повести, те и другие — в летописи или в поучении» [Лихачев, 1961: 6]. Замечание Д. С. Лихачева вполне справедливо, если учесть, что *описания битв* с традиционными формулами встречаются и в летописных погодных записях, и во внелетописных воинских повестях, и в княжеских житиях. Кроме того, Д. С. Лихачев предложил разграничивать ситуативный трафарет (этикет, канон) и его словесное выражение, которое может варьироваться, — то есть различать *стереотипную ситуацию* и *стереотипную формулу* [Лихачев, 1961: 6–8].

О. В. Творогов поддержал это разграничение, но предложил при этом неудачную терминологию. Если Лихачев различал

стереотипную *ситуацию* и стереотипную *формулу*, ее реализующую, то Творогов объединил понятия *ситуация* и *формула* в термине «традиционные *ситуативные формулы*», понимая под ними стереотипные ситуации, а словесное оформление этих «формул» называл словесными штампами или устойчивыми словосочетаниями: «...мы обозначаем термином “устойчивая литературная формула” только ситуативную формулу, а входящие в ее состав устойчивые словесные штампы называем “устойчивыми словосочетаниями”» [Творогов, 1964: 32]. Между тем слово «формула» означает: 1) «устойчивое словосочетание», «краткое и точное словесное выражение, определение чего-либо»; 2) «стереотипная, шаблонная фраза, выражение»¹. Поэтому термины «формулы воинских повестей», «устойчивые литературные формулы» правильное, на наш взгляд, использовать как синонимы к термину «устойчивые словосочетания». Е. В. Логунова «формулой» называет уже и ситуацию, и ее словесную реализацию, тем самым используя термин «формула» в качестве синонима к «*loci communes*»².

А. А. Пауткин, рассматривая описание битв в Повести временных лет (далее — *ПВЛ*), использует термин *устойчивые батальные мотивы*, для реализации которых существует тот или иной набор *словесных формул* [Пауткин], а И. А. Евсева (Лобакова) различает формулы, которые оформляют *мотивы*, и формулы, которые оформляют *ситуации* [Евсева]. Дж. Ревелли предложила «те композиционные единицы, с помощью которых восхвалялись качества святого» в житии, называть «идеологическими константами» [Ревелли: 81].

В последние десятилетия для обозначения «общих мест» широко используется риторический по происхождению термин «топос» (*греч.* τόπος — место), введенный в литературоведение Эрнстом Робертом Курциусом в его фундаментальном труде «Европейская литература и латинское Средневековье» (см. гл. V «Топика» [Curtius: 89–115])³. Исследователь определил топосы как «твердые клише или схемы мысли и выражения», которые имеют межвременной и межкультурный характер. Всеприсутствие в европейской литературе топосов должно было, по мысли Курциуса, показать непрерывность линии,

ведущей от античности к Новому времени, и несостоятельность существующей системы «деления на исторические периоды» (см. гл. XVII, § 7 [Curtius]).

В длительной научной дискуссии (в основном в западном литературоведении) о сущности и объеме понятия «топос» неоднократно высказывались противоположные точки зрения относительно того, применимо ли понятие «общих мест» лишь к внешней стороне текста (т. е. элементам художественной формы) или к литературной топике могут быть отнесены и содержательные составляющие художественного текста: образ, мотив, сюжет, идея и т. п.⁴ В отечественном литературоведении мнения ученых по этому поводу также разделились. Петербургский филолог А. Д. Степанов, отмечая расплывчатость литературоведческого термина «топос», считает необходимым определить, какое место он занимает в ряду перечисленных им сопредельных понятий [Степанов: 42]. По мнению же Т. Р. Руди, «несмотря на безусловную правомерность» замечания о многозначности термина «топос» («многозначность в терминологии — вещь крайне нежелательная»), «следует <...> признать, что невероятно широкое распространение, которое заново осмысленный Э. Р. Курциусом термин получил в последние десятилетия⁵, свидетельствует о том, что в современной науке возникла реальная потребность в подобном понятии» [Руди, 2005: 61]. Поэтому Т. Р. Руди считает оправданным принятое сегодня большинством исследователей (и медиевистов в частности) широкое толкование термина: «...топосом может быть любой повторяющийся элемент текста, закрепленный за определенным местом сюжетной схемы, — будь то устойчивая литературная формула, цитата, образ, мотив, сюжет или идея». «Таким образом, — заключает Руди, — я понимаю термин “топос” как обобщающее, родовое понятие, включающее в себя все те терминологические варианты, которые использовались в науке для обозначения родственных явлений до него: “типические черты”, “общие места”, клише, повторяющиеся мотивы, устойчивые (графаретные) литературные формулы и т. д.» [Руди, 2006: 432], ср.: [Руди, 2004: 211], [Руди, 2005: 61].

В этом случае термин «топос» получает такое же широкое значение, как термин *loci communes* в интерпретации А. С. Орлова, и потому тоже нуждается в классификации. Е. Л. Конявская отметила, что в филологической медиэвистике топосами, или «общими местами», зачастую называют два различных типа повторяющихся элементов: *сюжетные компоненты* (например, преподобный перед преставлением должен предсказать его приближение, князь перед битвой говорит речь) и *словесные штампы* (агиограф пишет «от многа мало», враг идет «в силе тяжце» и т. д.) [Конявская: 80]⁶. Исследовательница считает, что «для общих мест целесообразно сохранить термин *топос*, а повторяющиеся слововыражения уместно называть *формулами*» [Конявская: 83]. Собственно, и Т. Р. Руди при анализе топики житий разграничивает *мотивы* и *формулы* («литературные формулы», «устойчивые формулы», «общие формулы»), в которых тот или иной мотив реализован [Руди, 2006]. М. В. Антонова, признавая вслед за Т. Р. Руди оправданным широкое толкование термина «топос», предложила при этом различать макро- и микроуровень анализа устойчивых компонентов и называть устойчивые сюжетные конструкции, компоненты фабульной схемы жития — *сюжетными топосами* [Антонова: 173], подразумевая, видимо, их отличие от топосов-формул. Термин «сюжетные топосы» вслед за М. В. Антоновой используют и другие орловские исследователи агиографии (Ю. В. Семенюк, М. Е. Башлыкова). М. Е. Башлыкова применяет термин «топос» по отношению к конкретному трафаретному эпизоду жития: «родительский» топос, топос «благовествования» [Башлыкова]. А. А. Медведев при исследовании поэтики святительских житий выделяет *композиционные топосы* и *стилистические формулы*. При этом композиционные топосы в исследуемых житиях он условно разделяет на две группы: содержащие стилистические формулы и выражаемые индивидуальными стилистическими средствами [Медведев: 14]. Термин «композиционный топос» был использован автором настоящей статьи при анализе «Слова Даниила Заточника» для обозначения обязательных частей послания, в латинских риториках имеющих специальные

названия: *salutatio, exordium, captatio benevolentiae, narratio, argumentatio, conclusio* [Соколова, 1993: 232]⁷.

Итак, терминология для обозначения различных повторяющихся компонентов агиографического и воинского повествования еще не устоялась. Исходя из буквального значения греческого слова «топос» («место»), мы называем в настоящей статье топосом (или — при широком понимании термина — композиционным топосом) устойчивый структурный элемент («стереотипный эпизод») воинского повествования, занимающий определенное место в композиции произведения и реализующийся посредством устойчивых литературных формул. Следует иметь в виду, что в одних случаях топос оформляется одним-двумя устойчивыми словосочетаниями, а в других — имеет сложную композиционную структуру, что отметил О. В. Творогов [Творогов, 1964: 36].

Т. Р. Руди, перечисляя главные характеристики литературного топоса и имея в виду прежде всего древнерусскую агиографию, указала на его «закрепленность за определенным элементом композиции памятника» [Руди, 2005: 62]. С. Р. Зайнуллина отметила композиционную обусловленность устойчивых формул в древнерусском воинском повествовании: формулы традиционно выступают в определенных частях текстов и оформляют все части композиции воинского повествования, которую исследовательница схематично представила весьма общо: подготовка к сражению — сражение — результат сражения [Зайнуллина: 11, 13]. Более детальную схему летописных повествований о битвах предложила в 1985 г. О. А. Державина, она назвала *ведущими компонентами* воинских повестей следующие ситуации: «1. Описание войска, готовящегося к бою; 2. Ночь накануне сражения; 3. Речь проводителя перед сражением, обращенная к воинам; 4. Самое сражение и его конец (победа — в этом случае преследование неприятеля — или поражение); 5. Подсчет потерь» [Державина: 217]. Еще более подробную схему *стереотипных эпизодов* воинского повествования ранее представил В. И. Мансикка на примере Жития Александра Невского. Он выделил 14 «стереотипных картин воинского содержания», «общих эпизодов», указав при этом традиционные формулы (устойчивые выражения), характерные для каждого из эпизодов Жития

Александра Невского, подтвердив их трафаретность соответствующими формулами в летописных рассказах о битвах [Мансикка: 31–32, 41–48].

Настоящая статья посвящена одному из топосов («общих мест») воинского повествования — «стояние на костях» — и устойчивым формулам, его реализующим: «стать на костях / стоять на костях» в их различных вариантах и интерпретациях. Нашей целью является выяснить, когда появляются в рассказах о битвах литературные формулы «стать на костях» и «стоять на костях», какие синонимичные им выражения существовали, как осмыслялся ритуал «стояние на костях» авторами разных произведений⁸.

В работе об этикете феодального быта и литературы Древней Руси Д. С. Лихачев отметил: «Феодальный быт XI–XII вв. был связан на Руси со сложным этикетом. <...> Княжеские постриги и обряд посажения князя на коня <...>, совещания на ковре⁹ <...>, совещания верхом на конях <...>, заключение мира, выступление в поход и т. д. — все это было обставлено известным церемониалом, в свою очередь отразившимся в языке — в появлении новых терминов и в обрядовых формулах. Так, например, выражение “стать на костях” — выражение, обычно означающее “одержать победу”, — не является просто “формулой воинских повестей”, а связано с каким-то церемониальным моментом, о котором нам напоминают немногие лишь намеки в летописи» [Лихачев, 1950: 83]¹⁰. Ученый привел в качестве примера цитату из Ипатьевской летописи под 1249 г.: «...и Львъ ста на мѣстѣ воиномъ, посредѣ трупья, являюща побѣду свою»¹¹ (ПСРЛ. Т. 2: 805). Однако здесь, как видим, формула «стать на костях» в значении «одержать победу» не используется, употреблено синонимичное (и, вероятно, более раннее) выражение: «ста на мѣстѣ воиномъ, посредѣ трупья».

Е. А. Прохазка при рассмотрении роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей упомянула и «довольно редкое словосочетание “стать на костях”, которое означает “быть победоносцем”». В примечании к этому высказыванию исследовательница еще раз отметила, что «сравнительно с другими данное словосочетание встречается

редко», и перечислила те памятники, в которых ей удалось найти его: Новгородская четвертая летопись (Н4Л) младшего извода и Никоновская летопись (рассказ о походе Ивана III на Новгород в 1471 г.), Степенная книга царского родословия (рассказ о Раковорской битве 1268 г.), а также три памятника Куликовского цикла [Прохазка: 235–236]. Н. В. Трофимова в монографии, посвященной поэтике древнерусского воинского повествования и, в частности, воинским формулам в летописном и внелетописном повествовании, лишь упомянула использование формулы «ста на костях» в «Летописной повести о Куликовской битве» и «Сказании о Мамаевом побоище» [Трофимова: 241, 247].

Своеобразно интерпретирует смысл ритуала «стояние на костях» О. В. Иванайнен. Рассуждая о смерти Олега Вещего от коня, она пишет: «В гордыне Олег наступает на череп, и в тот же самый момент принимает неизбежную смерть как расплату за похвальбу». А в примечании к этому высказыванию отмечает: «Д. С. Лихачев связывает выражение “стать на костях” (в значении “одержанную победу”) с “каким-то церемониальным моментом”. Правда, Лихачев имеет в виду “стояние на костях *противника*”, а Олег становится на кости коня, но смысл “попрания”, восходящий к языческому ритуалу, видимо, сохранился и в этом рассказе» [Иванайнен: 446; 558, примеч. 251] (курсив наш. — Л. С.). Д. С. Лихачев пишет о формуле «стать на костях», а О. В. Иванайнен, ссылаясь на его высказывание, добавляет от себя, что речь идет о стоянии на костях *противника*. В связи с этим исследовательница осмыслила ритуал «стояния на костях» как ритуал «попрания» врагов, сложивших головы на поле боя, ошибочно приписав такое понимание топоса и Д. С. Лихачеву. Не обосновано в статье и возведение церемониала «стояния на костях» к предполагаемому языческому ритуалу, доказательств существования которого в статье не приведено. Впрочем, здесь можно указать на отраженный в Библии обычай древних царей после победы над врагами наступать на шеи побежденных, торжествуя таким образом и открывая всем одержанную над ними победу¹².

Иначе понимает смысл «стояния на костях» Д. Б. Терешкина. Она рассматривает его «в контексте христианской точки зрения на необходимость отпевания и погребения погибшего»: «обряд “стояния на костях”, т. е. оплакивания и прославления павших воинов, является топосом воинской повести» [Терешкина: 15]. Таким образом, Д. Б. Терешкина осмысляет ритуал (по ее терминологии, «обряд») «стояния на костях» как «стояние на костях» *своих соплеменников* с целью воздания им смертной почести: оплакивания, погребения и прославления.

Из приведенных высказываний ясно, что в медиевистике пока не сформировалось четкое представление о топосе воинского повествования «стояние на костях».

Когда же появляется в древнерусской литературе этот топос и оформляющие его устойчивые формулы «стал(и) на костях» и «стоял(и) на костях»?

Для обозначения победы в *ПВЛ* используется глагол «одолѣ / одолѣша». Многочисленные примеры привел О. В. Творогов, например: «И исполчишася Русь, и бысть съча велика, и одолѣ Святослав, и бѣжаша грѣци», или: «Бысть съча зла <...> и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа». Исследователь при этом отметил, что сложившаяся в *ПВЛ* схема изображения битвы в Киевской летописи оказывается разрушенной [Творогов, 1962: 278–279, 281]. Таким образом, формула «стал(и) на костях» в значении «победил(и)» в *ПВЛ* не используется.

Устойчивое выражение «стоял(и) на костях» в *ПВЛ* тоже не используется, хотя действия победителей на поле битвы после сражения описываются (т. е. структурный элемент, названный нами «стояние на костях», присутствует). Так, под 1103 г. рассказывается о битве с половцами русских князей во главе с Владимиром Мономахом, когда русские полки победили, а у половцев были убиты 20 князей, в том числе похвалявшийся перед битвой Урусоба: «И посем сняшася братья вся, и рече Володимерь: “Съ день, иже створи Господь, възрадуемъ и възвеселимся в онь (ср.: Пс. 117:24. — Л. С.); яко Господь избавиль ны есть от врагъ наших (ср.: Пс. 135:24. — Л. С.), и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и даль еси сих брашно людем (ср.: Пс. 73:14. — Л. С.) русьскимъ”. Взаша бо тогда скоты,

и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью, и заяша печенѣгы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великим, и с славою и с побѣдою великою» (ПВЛ: 270). Здесь, как видим, говорится о сборе русских воинов после сражения на поле битвы, приводится речь князя к собравшимся воинам, сообщается о захвате вражеского стана и богатой воинской добыче, о возвращении на Русь с полонем великим, со славою и с победой, но формула «стояли на костях» не используется. Не сообщается и о захоронении убитых русских воинов.

Самое раннее (из известных) использование устойчивой формулы «стоять на костях» находим в Новгородской первой летописи (НЛ) старшего извода при описании Раковорской битвы — сражения псковичей и новгородцев с немцами. В Синодальном списке под 1268 г. читаем: «Они же оканьнии крестопреступници, не дождавъше свѣта, побѣгоша. Новгородци же *стояша на костехъ 3 дни*, и приѣхаша в Новѣгородъ, привезоша братию свою избьеныхъ, и положиша посадника Михаила у святой Софьи» (ПСРЛ. Т. 3: 87). (Здесь и далее при цитировании источников курсив наш. — Л. С.). Это известие читается во *второй части* Синодального списка, которая освещает события 1234–1330 гг. и переписана около 1330 г. Здесь формула «стояша на костехъ» указывает на некие действия после битвы, длившиеся три дня, то есть можно говорить о ритуале «стояние на костях». Указание на число дней не случайно, оно говорит о большом количестве погибших, которых нужно было захоронить. В рассказе о Раковорской битве Степенной книги царского родословия формула незначительно варьируется перестановкой слов: «стояша три дньи на костехъ» (ПСРЛ. Т. 21, ч. 1: 304).

Вероятно, словесная формула «стать на костях» утвердилась не сразу. Более ранней, видимо, была формула, в которой вместо слов «на костях» читалось «на трупьях» или «посреди трупья», что рисовало более мрачную картину. Помимо примера из Галицко-Волынской летописи под 1249 г. («ста на мѣстѣ воиномъ, посредѣ трупья») можно отметить употребление этого выражения в поздней Распространенной редакции Жития псковского князя Довмонта, участника Раковорского

сражения 1268 г., где при описании результатов битвы также использовано слово «трупия»: «Пребыста же князи на трупиях мертвых три дни и возвратишася в великий Новъград» [Охотникова: 218–219]. Распространенная редакция датируется концом XVI — началом XVII в., список сер. XVII в. При этом в «Хронографической» и «Средней» редакциях «Повести о Довмонте» (обе XVII в.), как и в *НЛ*, употреблено выражение «стояли на костех три дни»¹³.

В Псковской первой летописи (*ПЛ*) выражение «стал (стали) на костях» употреблено дважды. Под 6851 (1343) г. в рассказе о битве псковичей с немцами сообщается: «И бысть бо съча велика плесковичамъ съ нѣмци мѣсяца июня въ 1 <...> въ самый Троицынъ день <...> и Богъ поможе мужемъ псковичемъ и изборяномъ, посѣкоша нѣмецъ помощью святыя Троица и молитвою князя Всеволода и Тимофѣя, овыхъ побиша, а инии прочь побѣгоша посрамлени. И *сташа* псковичи на костехъ, и убиша псковичъ на томъ бою 17 человекъ» (*ПСРЛ*. Т. 4: 189)¹⁴. Формула «стать на костехъ» употреблена в *ПЛ* и почти век спустя, под 6941 (1433) г., в рассказе о междоусобной битве литовских князей Жигимонта (Сигизмунда) Кейстуовича и Свидригайло Ольгердовича 8 декабря 1432 г.: «Того же лѣта, на зиму, мѣсяца декабря въ 8 (в др. списке: въ 8 день. — Л. С.), бысть побоище силно зѣло князю литовскому Свитригайлу съ княземъ Жидимонтомъ о княженъи великомъ въ Литовской земли <...> и сступишася, и бысть бой и съча велика зѣло; и побѣже князь Свитригайло съ побоища къ Полотску, а князь Жидимонтъ *ста на костехъ*, а паде много рати того князя, и другого князя у Свитригайла паде полочанъ, а иныхъ изымаша» (*ПСРЛ*. Т. 4: 206–207); ср.: (*Псковские летописи*. Вып. 1: 40).

Интересно, что в Псковской третьей летописи читаются тождественные тексты, а в Псковской второй летописи (*ПЛ*) (свод 1486 г., Синодальный список конца XV в.) в обоих случаях формула «стать на костях» отсутствует; в летописной статье под 1343 г. она опущена (*Псковские летописи*. Вып. 2: 25–26), а в статье под 1433 г. заменена словом «одолел», здесь сказано: «...и *одолъ* Жидимонтъ, а Свитригайло побѣже к Полотску» (*Псковские летописи*. Вып. 2: 43). Вероятно, причина

этого в том, что формула «стали на костях» в *П1Л* под 1343 г. дублирует предшествующее сообщение о победе псковичей и бегстве немцев, а потому утрачивает информационную функцию — указание победителя — и представляется излишней. В сообщении под 1433 г. противопоставление «побѣже — ста на костехъ», читающееся в *П1Л*, заменено в *П2Л* на противопоставление «одолѣ — побѣже», т. е. формула «ста на костехъ» заменена более привычным для летописца глаголом «одолѣ».

Устойчивая формула «стать на костях» могла применяться в рассказах о битвах не только по отношению к русским князьям и воеводам, но и по отношению к их противникам, врагам. В Троицкой летописи (по реконструкции М. Д. Приселкова, см.: [Приселков]) и в восходящих к ней Рогожском летописце и Симеоновской летописи под 6665 (1377) г. при рассказе о битве на реке Пьяне использована формула «сташа на костѣхъ», и речь здесь идет о победе вражеского войска: «Татарове же *одолѣвши* христианомъ и *сташа на костѣхъ*, полонъ весь и грабежъ оставиша ту, а сами поидоша къ Новугороду къ Нижнему изгономъ безъ вести» (*ПСРЛ*. Т. 18: 119), ср.: (*ПСРЛ*. Т. 15: 119). Этот же текст с незначительными вариациями читается в Софийской первой летописи (*С1Л*) старшего извода (*ПСРЛ*. Т. 5: 236) и в *Н4Л* под 1378 г. (*ПСРЛ*. Т. 4, ч. 1: 308).

По отношению к противникам формула «стать на костях» употреблена в Троицкой летописи, Рогожском летописце и Симеоновской летописи также под 1387 г., в рассказе о сражении русских князей во главе со смоленским князем Святославом Ивановичем и литовских князей во главе со Скиргайло Ольгердовичем (в Рогожском летописце повесть выделена киноварным заголовком «О Смоленском побоищи»): «И приидоша къ Мстиславию городу, и ту наѣха на нихъ князь Скиргайло Олгердовичь, а съ нимъ рать Литовская и вся сила ихъ; и сступишася обои, и бысть имъ бои великъ и сѣча зла, и *одолѣ* Скиргайло и изможе, и *ста на костехъ*» (*ПСРЛ*. Т. 18: 137), ср.: (*ПСРЛ*. Т. 15: 153).

Подчеркнем, что в рассмотренных сообщениях Троицкой летописи под 1377 и 1387 г. (сохраненных в Рогожском летописце и Симеоновской летописи) выражение «ста / сташа на

костѣх» уже не воспринимается как самодостаточная формула со значением «победил(и)», оно дублирует слово «одолел(и)». Поэтому в одном списке Никоновской летописи формула сохранена (ПСРЛ. Т. 11: 92, левый столбец), а в другом, в сообщении под 1387 г., опущена переписчиком: «И посемъ князи Олгердовичи одолѣша, а Смолняне побieni быша, а инии побѣгоша» (ПСРЛ. Т. 11: 92, правый столбец). Тожественный этому текст читается в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25: 214).

Вероятно, выражение Троицкой летописи «*одолѣвшие <...> и стаха на костѣхъ*» можно рассматривать как новый вариант формулы со значением «победили и остались на поле битвы», что указывает на некий ритуал победителей на месте сражения.

В Рогожском летописце формула «стал на костях» употреблена, кроме того, под 1410 г. в рассказе о войне князя Ягаило с Орденом (без упоминания Грюнвальдской битвы): «Тое же осени бысть бои королю Ягаилу и князю Витовту съ Нѣмци, и стаха на костехъ Литва под Мариинымъ городкомъ» (ПСРЛ. Т. 15: 186), а также в сообщении под 1411 г., которое приведем далее.

В СЛ младшего извода топоним «стояние на костях» использован под 6979 (1471) г. — в рассказе о походе Ивана III на Новгород (о Шелонском сражении): «...*воини же (великого князя Московского. — Л. С.) ставше на побоищи на костехъ ихъ* (новгородцев. — Л. С.), честно въструбиша, радующеся, прикладахуся ко святымъ образомъ знаменъ ихъ Новгородскихъ, возвеличая Божие милосердье о побѣдѣ на своя супостатныя враги» (ПСРЛ. Т. 6: 11). Такой же текст читается в Новгородской летописи Дубровского (ПСРЛ. Т. 43: 196). В Софийской второй летописи (С2Л) текст изменен: «*Наши же ставше на побоищѣ томъ и прославиша всемилостиваго Бога и его пречистую Матерь Богородицу, показавших надъ государемъ великимъ княземъ свое милосердие*» (ПСРЛ. Т. 6: 193). В отдельном, внелетописном списке Повести, представляющем, по мнению его издателей, наиболее ранний текст, читаем: «*Воеводы же князя великого, князь Данило (Холмский. — Л. С.) и Феодоръ Давыдович, ставъше на костех, сождашяся с воинством своим и видѣша воя своя всѣх*

здравых и благодариша Бога и пречистую Его Матерь и всѣх святыхъ»¹⁵. В Никоновской летописи читается идентичный этому текст (*ПСРЛ*. Т. 12: 136).

Первоначальным представляется вариант внелетописной повести: «воеводы же князя великого <...> ставшие на костех»; он видоизменился в формулу «воины <...> ставшие на побоищи на костяхъ ихъ» (*С1Л* мл. изв.), а она, в свою очередь, преобразовалась в выражение «наши <...> ставшие на побоищѣ томъ» (*С2Л*). Мы видим, как постепенно происходила деформация выражения «стать на костях», уже не воспринимаемого краткой и емкой литературной формулой с определенным значением; отсюда добавление слова «на побоище» и местоимения «ихъ», а затем слово «на костях» и вовсе оказалось опущенным, и словосочетание «наши же ставшие на побоищѣ томъ» приобрело уже прямой смысл, оно утратило переносное значение устойчивой формулы с ключевым словом «на костях». Отметим, что в *С1Л* младшего извода указано, что встали московские воины на костях *их* (т. е. побежденных новгородцев), что подчеркивает победу воинов московского князя Ивана III над «неверными», «отступниками православия», вносит в топос «стояние на костях» мотив попраiania поверженного врага.

А. С. Орлов в свое время указывал на искажение устойчивых формул в случае не опознавания их таковыми. Так, выражение «утерьъ пота», популярное в летописях и нередко встречающееся в воинских повестях вплоть до XVII в., в «Казанской истории» преобразовалось в словосочетание «утерьъ поту лица своего». Символическое выражение *труда* («одва могоша и взяти съ великимъ потомъ») — в Ипатьевской летописи под 1280 г.) было понято автором в прямом смысле, как простое физическое действие [Орлов, 1902: 4]. Е. А. Прохазка также отмечает, что «к XVI–XVII вв. авторы все меньше умели отличать буквальные выражения от условных устойчивых словосочетаний и формул, образующих лексический состав жанра древнерусского воинского повествования» [Прохазка: 237]. Интересные наблюдения над переосмыслением и разрушением формул воинского повествования привела Н. В. Трофимова [Трофимова: 210–230].

Как определялось учеными значение устойчивой формулы «стать на костях» на основании приведенных примеров из летописей?

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», основываясь на сообщении *НЛ* о Раковорской битве, пишет: «Три дня стояли россияне *на костях*, то есть на месте сражения, в знак победы, и решились идти назад: ибо, претерпев великий урон, не могли заняться осадой городов»¹⁶. Отметим, что Карамзин курсивом выделит только слово «на костях», воспринимая его как метонимию и поясняя: «на месте сражения»¹⁷. И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» приводит устойчивое выражение «стать на костях»: «стать на костѣхъ — оставить за собой поле сражения» [Срезневский: 297–1298]. Как видим, Карамзин и Срезневский поясняли разные формулы: «стоять на костях» — «стать на костях».

Составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» приводят два значения устойчивого оборота «стать (стоять) на костях»¹⁸. Одно из значений (оно приводится вторым) определяется традиционно: «победить, оставить за собой поле боя». В качестве иллюстрации приводятся цитаты из «Задонщины» и Никоновской летописи под 1387 г. По мнению составителей «Словаря русского языка XI–XVII вв.», выражение «стать (стоять) на костях» имеет и другое значение (оно указывается как первое): «упорно сражаться, стоять насмерть». При этом в качестве иллюстрации приводится цитата из *НЛ*: «Новгородци же стояша на костех 3 дни...» (которую комментировал Карамзин) и цитата из Рогожского летописца под 1411 г.: «Тое же зимы бысть бои князю Петру Дмитриевичю Московьскому съ князми Новгородскими на Лысковѣ, сташа же на костехъ князи Новгородьскыи Нижняго Новгорода» (*ПСРЛ*. Т. 15: 186). Обе цитаты не дают основания для указанного значения. Первая цитата, как уже сказано, сообщает, сколько дней оставались новгородцы на поле битвы *после победы*. Смысл второй фразы: был бой, — стали же на костях (т. е. победили) князья новгородские. Как видим, составители Словаря ошибаются, приписывая устойчивым формулам «стать на костях» / «стоять на костях» значение «упорно сражаться, стоять насмерть».

Обратимся теперь к памятникам Куликовского цикла¹⁹.

Анализируя *летописные* памятники о Куликовской битве [Соколова, 2014a], мы выделили, во-первых, краткую *заметку* (=погодную запись), которая сохранилась в Московской Академической летописи (далее — МАк.) и восходит, как нам представляется, к недошедшему великокняжескому своду Дмитрия Донского 1392 г. (предполагаемому «Летописцу великому русскому»). Вторым памятником была, по всей видимости, *Внелетописная повесть* о Куликовской битве, созданная при жизни Дмитрия Донского (до 1389 г.). В своем первоначальном виде она не сохранилась, о ней мы можем судить лишь на основании реконструкции «Летописной повести о Куликовской битве»²⁰ и рассказа в летописном своде 1408 г. *Рассказ* о Куликовской битве в летописном своде 1408 г. является сводным текстом. Составитель этого рассказа расширил краткую заметку, читавшуюся, по нашей гипотезе, в великокняжеском своде Дмитрия Донского 1392 г., существенными вставками из *Внелетописной повести* о Куликовской битве. В общерусский летописный свод митрополита Фотия 1418 г. была включена (в отредактированном виде) *Внелетописная повесть* о Куликовской битве, заменившая собой рассказ о битве, читавшийся в предшествующем своде 1408 г. Этот текст известен нам как «Летописная повесть о Куликовской битве», дошедшая в *СЛ*, *НЛ* и во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (*НК-2*).

Топос «стояние на костях» присутствует во всех памятниках Куликовского цикла. Рассмотрим вначале использование воинских формул «стать на костях» и «стоять на костях» в перечисленных *летописных* памятниках.

В краткой *заметке* МАк. после перечисления убитых на поле боя князей и воевод сказано кратко: «...князь же великий Дмитриеи Ивановичь съ прочими князи Рускими и воеводами ставъ на косте(хъ) и похвали Бога и того всенепорочную Матерь и възвратися въ свою отчину, побѣдивъ своя врагы» (*ПСРЛ*. Т. 1, вып. 3: 536).

В *рассказе* о Куликовской битве в составе летописного свода 1408 г. (Троицкой летописи) устойчивая формула, судя по Рогожскому летописцу, читалась в том же виде; дополнительно сообщалось, что князь обратился к своей дружине

с речью (заимствовано из недошедшей Внелетописной повести): «...ставъ на костех, благодари Бога и похвали похвалами дружину свою, иже крѣпко бишася съ иноплѣмненники...» (ПКЦ: 10).

В этих летописных сообщениях «став на костях» — словесная формула, означающая «победив». Но указание на благодарственные молитвы к Богу и обращение к воинам с «похвалой» дают основание считать, что здесь уже содержится в зачаточном состоянии описание воинского ритуала «стояние на костях».

В «Летописной повести о Куликовской битве» (входившей в свод митрополита Фотия 1418 г.) формула «стать на костях» видоизменяется, в ней появляется определение «татарских»: «Князь же Дмитрии з братомъ своимъ Володимеромъ и съ князьми рускими, и воеводами, и прочими бояры, и съ всѣми вои оставшимися *став* тое ноци *на поганыхъ обѣдищехъ, на костехъ татарскихъ*, утеръ поту своего и, отдохнув от труда своего, велико благодарение принесе Богу, таковую побѣду давшему на поганыхъ, избавляющему раба своего от оружия люта» (ПКЦ: 80). Уточнение, что выжившие русские воины во главе с Дмитрием Ивановичем и его братом Владимиром Андреевичем «стали *на поганыхъ обѣдищехъ, на костехъ татарскихъ*», придает топосу несколько иной смысл, подразумевая поправление врага, более рельефно подчеркивая значение этого топоса как символизирующего одержанную победу над врагом. «Обѣдище» — «место, где ели, пировали»²¹. «На поганыхъ обѣдищехъ» — то есть на месте, где враги «пировали», упиваясь кровью русских воинов (метафорическое уподобление боя пиру), и где теперь лежат их «кости».

Можно предполагать, что слова «на поганыхъ обѣдищехъ» и «татарскихъ» привнесены в формулу «стать на костяхъ» при включении Внелетописной повести в свод Фотия 1418 г. (их нет в рассказе Рогожского летописца). И сделал это, видимо, писатель, либо не понимавший первоначального значения *воинской* формулы «стать на костяхъ» (предполагается, что некоторые тексты в *СЛ* отредактировал или написал *инок* Епифаний Премудрый), либо сознательно ее преобразовавший. Напомним, что в *СЛ* младшего извода, в которой читается «Летописная повесть о Куликовской битве», и в другом

случае — в рассказе о походе Ивана III на Новгород под 6979 (1471) г. — упоминается в некоторых списках, на *чьих* костях стали воины московского князя: «Воини же ставше на побоищи на костехъ *ихъ* (своих противников, новгородцев. — Л. С.), честно въструбиша, радующеса...» (ПСРЛ. Т. 6: 11).

Кроме того, в «Летописной повести» не просто сообщается о благодарственной молитве великого князя, но и приводится текст этой молитвы к Богу и Богородице, а также говорится о прославлении Богородицы многими русскими князьями и воеводами. Отмечается и то, что великий князь Дмитрий Иванович «похвали дружину свою, иже крѣпко побихася со иноплеменики, мужьскыи храбравши...» (ПКЦ: 40).

Рассказ о Куликовской битве в *НЛ* восходит к рассказу свода 1408 г., но он испытал, по нашим наблюдениям, влияние «Летописной повести», из которой в него заимствованы некоторые фрагменты [Соколова, 2014а: 324–326]. Здесь, вслед за «Летописной повестью», в выражение «стал на костях» добавлено определение «татарских»: «Князь же великий Дмитриий съ братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ, *ставъ на костех татарских*, и многи князи руския и воеводы с прехвалными побѣдами и похвалами прославиша пречистую Матерь Божию Богородицу, [и похвали похвалами дружину свою, иже] крѣпко бравшеса съ иноплеменики за святыа божиа церкви, за правовѣрную вѣру, за всю Рускую землю...» (ПКЦ: 23).

На основании «Летописной повести о Куликовской битве» было создано «Сказание о Мамаевом побоище» (включенное позднее в некоторые летописи). По нашему предположению, его написал Пахомий Серб во время первого пребывания в Троицком монастыре, а точнее — между 1445 г. и 1458 г. [Соколова, 2020b].

В «Сказании о Мамаевом побоище» эпизод «стояние на костях» разработан более подробно, причем редакции и варианты памятника (см. о них: [Дмитриев]) различаются в передаче этого фрагмента. Несмотря на то, что «Сказание» основано на «Летописной повести о Куликовской битве», в его Основной редакции, которая наиболее близка к протографу, определение «татарских» в формуле «стал на костях» отсутствует.

В Основном варианте Основной редакции памятника (далее — вариант «О») рассматриваемый топос использован

дважды, причем в разных контекстах. В первом случае он употреблен окказионально, вне традиции — не по отношению к возглавлявшему поход великому князю Дмитрию Ивановичу, а по отношению к Владимиру Андреевичу Серпуховскому: после преследования бегущих татар и возвращения на поле брани «князь же Владимиръ Андрѣвичъ ста на костѣх под черным знаменем. <...> Князь же Владимиръ Андрѣвич не обрѣте брата своего, великого князя, в плѣку, нѣ толко литовские князи Олгордовичи, и повелѣ трубити в собранные трубы» (*Сказания-1982*: 45). Здесь, в соответствии с замыслом автора «Сказания», именно Владимир Андреевич рисуется победителем, главным героем сражения, чей засадный полк переломил ход битвы, кто обратил в бегство воинов Мамаю и преследовал их, а затем вернулся на поле битвы и как победитель «ста на костѣх» под «черным» княжеским знаменем, а также (что тоже является прерогативой князя, возглавляющего сражение) повелел трубить в «собранные трубы», созывая воинов к князю. И он же, Владимир Андреевич, обращается с речью к воинам, выясняя судьбу пропавшего великого князя Дмитрия Ивановича и поручая отыскать его (см. об этом: [Соколова, 2020а: 159–161]).

Далее в Основной редакции содержится пространное описание ритуала «стояние на костях». Дмитрий Иванович, после того как его отыскали и сообщили ему о победе, говорит: «Сий день сътвори Господь, възрадуемъ и възвеселимся²², людие!» и возносит благодарственную молитву к Богу (*Сказания-1982*: 46). Затем Дмитрий Иванович с братом своим и с оставшимися в живых воеводами ездит по полю битвы, «сердцем боля кричаше, а слезами мыся»; он находит тела своих воевод и обращается к каждому из них с пространной речью, просит их помолиться за оставшихся в живых (*Сказания-1982*: 47). Мотив объезда князьями поля боя впервые использован именно автором «Сказания», в «Летописной повести о Куликовской битве» он отсутствует.

Затем великий князь «отѣхавъ на иное мѣсто, и повелѣ трубити в събранные трубы, съзываети люди. <...> Събраннымъ же людемъ всѣмъ, князь великий ста посреди ихъ, плача и радуся: о убиеныхъ плачется, а о здравыхъ радуется». Далее

приводится речь великого князя, обращенная к собравшимся воинам, которых он благодарит, обещает «даровать» их по достоинству и призывает исполнить еще один долг: «Нынѣ же сиа управим: коиждо ближняго своего похороним, да не будутъ звѣрем на снѣдение телеса христианьскаа». После этого сообщается, что «*стояль князь великий за Даном на костѣх осмь дний*, дондеже розобраша христианъ с нечестивыми. Христианскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса поврѣжена звѣрем и птицам на расхыщение» (*Сказания-1982: 47*). Мотив захоронения убитых ратников впервые тоже встречается в «Сказании».

По отношению к великому князю Дмитрию Ивановичу автор «Сказания» использует формулу «стоял на костях» (8 дней) традиционно — при описании ритуала прощания с павшими воинами, их захоронения. В этом контексте в формулу «стоял на костях» внесено уточняющее слово «за Доном» и слова «князь великий», что делает формулу несколько «размытой». Не случайно Карамзин считал в подобном случае устойчивым выражением метонимию «на костях» — на месте сражения.

Подчеркнем, что в Основной редакции «Сказания» говорится о разной участи тел погибших русских и татарских воинов: своих похоронили, а тела врагов отдали на расхищение зверям и птицам. Этот образ посмертного поругания (быть непогребенным считалось крайним бесчестьем) неоднократно встречается в Библии, например: «И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их» (Втор. 28:26) или: «Отдам их в руки врагов их и в руки ищущих души их, и трупы их будут пищею птицам небесным и зверям земным» (Иер. 34:20); ср. также: (Иер. 7:33), (Иез. 29:5), (Пс. 78:2) и др.

Интересно проследить по отдельным редакциям и спискам «Сказания», как видоизменялся в них воинский тоpos «стояние на костях». Вероятно, первоначальным является чтение варианта «О» Основной редакции: «*Стояль князь великий за Даном на костѣх осмь дний. . .*». В других вариантах и редакциях было опущено либо слово «за Дономъ», либо слово «на костѣх». Слово «за Дономъ» отсутствует в варианте Ундольского («Князь

велики стоя на костех восемь дни...» (ПКЦ: 186) и в Забелинском варианте, где к слову «на костях» добавлено «человеческих» и изменено указание на то, какое время пребывал князь на поле боя («Князь же великий *стоял на костех человеческих* 3 дня и три ночи» (Повести-1959: 202). В Ермолаевском списке Основной редакции, напротив, опущенным оказалось слово «на костях»: «Князь же великий *стоя за Доном* осм дней...» (ПКЦ: 249); такое же чтение в Распространенной редакции (Повести-1959: 153), в редакции Синописа (ПКЦ: 334), в редакции 1681 г. Пантелеймона Кохановского (ПКЦ: 365); в Киприановской редакции слово «на костях» заменено словосочетанием «на том месте»: «И *стоя князь великий за Доном на томь месте* 8 дней» (Сказания-1982: 69). В редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина (40-е гг. XVII в.) читаем: «Князь же великий *стоя на степьнех*, даколе розобраше христианская телѣса и похорониша е» (ПКЦ: 292). «Степень» — «возвышение со ступеньками»²³, лестница, здесь — «возвышение». Формула «стоя(л) на костех» была, видимо, не понята автором и заменена.

Составитель Летописной редакции «Сказания» самостоятельно обращался к «Летописной повести о Куликовской битве» и вслед за ней употребил выражение «ста на костех» с добавлением слова *татарских*, причем в обоих случаях: и говоря о Владимире Андреевиче, который «ста на костех татарских под черным знамяем...» (Повести-1959: 103), и говоря о Дмитрии Ивановиче: «Собранным же всем людем, князь же великий ста на костех татарских и рече...» (Повести-1959: 105). В контексте «Сказания», где речь идет о поле боя, усеянного трупами как христиан, так и ордынцев, слово *татарских* выглядит неуместной детализацией, позволяющей воспринимать выражение «стал на костях» не в переносном, а в прямом значении. Подчеркнем, что составитель Летописной редакции использовал формулу «стал на костях» (т. е. победил) по отношению не только к Владимиру Андреевичу, как в Основной редакции, но и к Дмитрию Ивановичу.

Особенностью Киприановской редакции (в составе Никоновской летописи) является распространение фрагмента, следующего после подсчета убитых русских воинов. В частности, здесь говорится об отпевании священниками погибших

христиан: «И повеле князь великий священником пети надгробныя песни над избиенными, и погребоша их, елико возмогоша и успеха, и воспеша священницы вечную память всем православным христианом, избиеным от татар на поле Куликове, между Дона и Мечи. Таже сам князь великы з братом своим и со всеми воинствы остаточными велиим гласом възкликнуша им вечную память с плачем и со слезами многими» (*Сказания-1982*: 69). И далее следует речь великого князя, обращенная к погибшим воинам.

Автор «Задонщины», по нашему убеждению, основывался при создании своего произведения одновременно на «Летописной повести о Куликовской битве» и «Сказании о Мамаевом побоище», используя при этом и текст «Слова о полку Игореве». Авторский текст «Задонщины» не дошел до нашего времени. Пространная и Краткая редакции независимо друг от друга восходят к общему протографу. Синодальный список представляет Сводную редакцию, которая объединяет чтения Пространной и Краткой редакций [Соколова, 2014a], [Соколова, 2020b].

В Краткой (Ефросиновской) редакции рассматриваемого топоса нет, так как в ней читается только первая часть «Задонщины», заканчивается эта *сокращенная* редакция [Соколова, 2014b: 712–723] плачем русских жен. В Пространной редакции «Задонщины» топос «стать на костях» относится, как и в «Летописной повести о Куликовской битве», одновременно к обоим князьям — Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу — и к их воеводам. Автор «Задонщины», создавая свое произведение после «Летописной повести» и «Сказания», стремится «примирить» героев Куликовской битвы, отдавая должное всем ее участникам. К имени Дмитрия Ивановича, как правило, добавляется имя Владимира Андреевича. В отличие от «Летописной повести», в «Задонщине» речь идет о стоянии на костях *русских* воинов (о телах татарских воинов не упоминается): «*Сталь* кн(я)зь великыи с своим братомъ кн(я)земъ Владимиромъ Ондръевичемъ и с своими воеводами *на костехъ*. Грозно бо, брате, в то время посмотри, лежать *трупы хр(и)стианьския* акы сѣнныи стоги, а Дон рѣка три дни кров(ь)ю текла» (*Задонщина. Список И-1*: 545).

Дмитрий Иванович просит сосчитать, сколько погибло христианских воинов, после чего обращается к убитым русским воинам, прося у них прощения и благословения: «Братия бояра и кн(я)зи и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Напрядѣ. И положили есте головы своя за с(вя)тыя церкви, за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в семь вѣце и в будущем» (*Задоницина. Список У: 540*).

В позднем Синодальном списке «Задоницины» сцена «стояния на костях» совершенно иная, здесь сказано только о великой радости воинов по поводу победы и богатой военной добычи: «На поли Куликове на реце Непрядене *быст(ь) радост(ь) великая* руским князем. *Ставши на костехъ поганих татар*, вострубили и з радости начаша имати кони, и верблюды, и камки, носечи, серебро и злато, и крепкия доспехи, и чест(ь), и жемчуги, и дорогое взорочия, кол(ь)ко хто хотечи и могучи, тол(ь)ко возимаючи. Жень (вместо: Уже. — Л. С.) жены руския [восплескаша] татарским златом» (*Задоницина. Список С: 555*).

Об этой сцене можно сказать «пляска на костях», в данном случае — на костях убитых татар. Это образное выражение означает активное выражение радости от того, что твой враг повержен. Мотив богатой добычи заимствован из «Летописной повести о Куликовской битве», в *С1Л* старшего извода читается следующий текст: «И мнози вои его възрадовашася, яко обрѣтающе користь многу, пригнаша бо с собою многа стада конии, и велбуди, и волы, им же нѣсть числа, и доспѣхы, и порты, и товаръ» (*ПКЦ: 40*). Этот текст читается и в рассказе о Куликовской битве Рогожского летописца. Но и в рассказе Рогожского летописца, и в «Летописной повести о Куликовской битве» упоминание о радости воинов по поводу богатой добычи читается не в сцене «стояния на костях», а после сообщения о возвращении с победой великого князя Дмитрия Ивановича в Москву, и там оно менее эмоционально.

Таким образом, в одних случаях мы имеем дело с литературной формулой «стать на костях» (совершенный вид глагола), означающей «оставить за собой поле битвы, победить», в других случаях формула «стоял / стояли на костях» (несовершенный вид глагола) подразумевает некие действия победителей, оставшихся в живых князей и воинов, некий ритуал или

«церемониал» (термин Д. С. Лихачева). В чем он состоял, судя по рассмотренным произведениям?

Топос «стояние на костях» наиболее сложен по структуре в «Сказании о Мамаевом побоище», где он включает следующие субтопосы (или мотивы): 1) благодарственная молитва великого князя Богу, «таковую побѣду давшему на поганых»; 2) объезд поля битвы великим князем вместе с другими князьями и воеводами, во время которого он обращается с прощальной речью к убитым воеводам, благодарит их, прося у них прощения и благословения; 3) обращение великого князя к оставшимся в живых воинам с речью — он «похвали похвалами дружину свою...» (по всей видимости, речи князя, обращенные к оставшимся в живых соотечественникам, — не простой литературный прием, а отражение реально существовавшей традиции); 4) призыв великого князя захоронить павших воинов; в некоторых редакциях «Сказания» говорится об отпевании убитых при погребении и оплакивании их; 5) подсчет убитых по просьбе великого князя. От количества убитых зависело, как долго победители стояли на поле битвы: новгородцы после Раковорской битвы — 3 дня, русские воины после Куликовской битвы, если верить «Сказанию о Мамаевом побоище», — 8 дней, что, однако, вызывает сомнения²⁴. Смущало это, видимо, и древнерусских книжников. Составитель Забелинского варианта Основной редакции внес в текст правку, написав, что «князь <...> стоял на костех человеческих 3 дня и три нощи» (*Повести-1959*: 202).

По замечанию А. А. Булычева, описанный в «Сказании о Мамаевом побоище» ритуал находит прямую параллель в погребальной практике эпохи позднего русского Средневековья. Судьба погибших на поле боя была различной. Существовала традиция отыскания среди мертвых тел представителей правящей и военной элиты, в число которых могли попасть и отличившиеся в битве воины. Тела таких «лучших» людей, независимо от времени года, победители забирали с собой для «честного» и «правильного» захоронения на родине, причем расстояние, которое приходилось преодолевать, иногда составляло много сотен верст. (Следовательно, объезд великим князем с приближенными поля боя и поиск убитых

князей и воевод, описываемый в «Сказании», отвечал существовавшей традиции, был частью ритуала «стояние на костях».) При этом тела единоверцев незнатного происхождения подлежали погребению в скудельницах, выкопанных на поле сражения. Именно такая quasi-могила изображена на миниатюре II Остермановского тома Лицевого свода, составленного на основании Никоновской летописи. Интересно, что хоронили павших строго по «полкам» (отрядам, состоявшим из жителей одной местности или города) — каждый полк предавал земле своих земляков в особой скудельнице. Существовала практика отпевания усопших духовными лицами. Так, по свидетельствам, поступали с телами павших в войнах второй половины XVII в. [Булычев: 39–40]. Стоит вспомнить, что «в Древней Руси не только литературная, не только иконописная, но и поведенческая установка на повторение и подражание была общепринятой» [Панченко: 241]. После битвы было принято, кроме того, собирать оружие, доспехи и все самое ценное. Оружие и доспехи у противников и своих собирали почти всегда: до Нового времени металл был очень дорогим. Подобная практика существовала с древних времен и в Европе.

Ритуал «стояние на костях» нашел отражение в литературе и искусстве. Обращение к нему мы находим в стихотворении современного автора, историка по образованию, Алексея Клоковского «Стояние на костях»²⁵ из его цикла «Куликовская битва»²⁶. Ритуал «стояние на костях» осмыслиется им как воздание почести павшим русским воинам: оставшиеся в живых обещают убитым молиться за них на каждой службе в храме и просят павших воинов, когда они вольются в «небесный полк», помолиться о них. Здесь и еще один мотив — упрек убитым противникам, пришедшим на Русскую землю и нашедшим здесь свою погибель. Автор стихотворения отказывает им, как захватчикам, в праве быть вписанными в Книгу Жизни (Книгу Памяти). И в то же время автор говорит о жалости к павшим врагам:

«Без Него — ничего хорошего.
Жаль и ворогов в этот час.

Что лежите, своими брошены?
Нам — тем более не до вас.
Вашей плотью степь завалена.
Ваша гордость лежит в пыли.
Кто вы, что вы? Мы вас не звали.
Для чего вы сюда пришли?»

В стихотворении звучит горькое пророчество, что тишина установилась после битвы ненадолго, что нападения врагов на Русскую землю будут, к сожалению, продолжаться.

«Тихо стало... Надолго? Вряд ли.
Ратным людям — одна пора.
Земли русские необъятны
И распахнуты на ветра.
Южный, западный и восточный
Нагоняют сюда врагов.
Бой закончили, спор — не кончен
До скончания всех веков»²⁷.

Здесь та же мысль, которая является едва ли не центральной в цикле стихотворений «На поле Куликовом» Александра Блока²⁸ (с его «прозрением русских исторических судеб, всегда трагических»²⁹), оказавшего несомненное влияние на Алексея Клоковского. Автор расширяет описание конкретного события до масштабного анализа всей русской истории. Победа на Куликовом поле и свержение ига не принесут покоя русским людям. Еще неоднократно Русь будет находиться в условиях смертельной опасности, исходящей от внешних врагов — «И вечный бой! Покой нам только снится...».

Ритуал «стояния на костях» упоминается Алексеем Клоковским и в другом стихотворении цикла: «Куликовская битва. Вечер после боя». Здесь после описания спокойно и устало («шагом») едущих после боя воинов-победителей в наступившей тишине, которая «звонит в ушах», читаем то же горькое пророчество о новых битвах:

«Победители едут шагом.
Тишина звонит в ушах.
Соберутся опять под стягом,
На костях»³⁰.

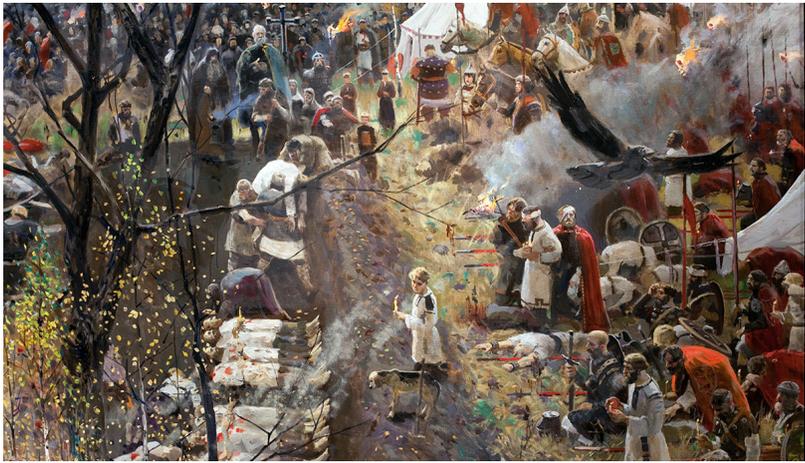
Среди многочисленных картин на темы Куликовской битвы есть несколько полотен, на которых изображается стояние русских воинов после победы на поле битвы. Одна из таких картин так и названа — «Стояние на костях». Ее создал художник Павел Викторович Рыженко (1970–2014), написавший цикл картин «Поле Куликово». На картине изображен ритуал прощания с павшими в бою воинами, молитвы за них, отпевание их и захоронение в братских могилах (скудельницах).

В культурной памяти русского народа Куликовская битва стала символом победы, доставшейся ценой огромных человеческих потерь. Размышляя о связи Куликова поля, Полтавы и Бородина как символов победы, А. М. Панченко отмечает, что «для нации эти битвы были нравственной заслугой. Без нее символ невозможен. Именно поэтому в качестве символов изображались не легкие, а тяжелые, жертвенные победы: подвиг и жертва неразделимы» [Панченко: 247].

Илл. 1. Павел Рыженко. «Поле Куликово. Стояние на костях». 2013 г.³¹

Fig. 1. Pavel Ryzenko. “Kulikovo Field. Stoyanie na Kostyakh”. 2013

Илл. 2. Фрагмент картины П. Рыженко «Стояние на костях»

Fig. 2. Fragment of P. Ryzhenko's painting "Stoyanie na Kostyakh"

* * *

Итак, композиционный топос воинского повествования «стояние на костях» встречается как в летописных рассказах о битвах, так и в самостоятельных, внелетописных воинских повествованиях XIII–XVI вв. Он выражается разными литературными формулами, в одних случаях используется устойчивый оборот, древнерусский фразеологизм «стал / стали на костях» со значением «оставил(и) за собой поле битвы, победил(и)», а в других — устойчивое выражение «стоял / стояли на костях (столько-то дней)», которому сопутствует в некоторых случаях краткое или пространное описание действий воинов-победителей на поле битвы после ее завершения (воинского ритуала «стояние на костях»). Формула «стал на костях» в летописных рассказах претерпевала изменения, деформировалась, в некоторых случаях дублировалась (или даже заменялась) словом «одоле» («одоле и стал на костях»).

В памятниках Куликовского цикла топос «стояние на костях» осмыслялся и реализовывался по-разному. Летописная лаконичная формула «ставъ на костѣхъ» в значении «победив» использована в рассказе летописного свода 1408 г. В «Летописной повести о Куликовской битве» (свод Фотия 1418 г.) в воинскую

формулу «ставъ на костѣхъ» внесено дополнение: указано, что великий князь Дмитрий Иванович стал на костях *татарских*, что вводит мотив попрапия, поругания поверженного врага.

Особенно интересные примеры осмысления и интерпретации топоса «стояние на костях» обнаруживаются в «Сказании о Мамаевом побоище». Если во всех остальных произведениях Куликовского цикла топос использован один раз (великий князь Дмитрий Иванович вместе с другими князьями и воеводами «стал на костях»), то в «Сказании о Мамаевом побоище» он употреблен дважды. Первый раз — вне традиции, по отношению к Владимиру Андреевичу Серпуховскому, который как победитель «стал на костях» под знаменем (именно он представлен в «Сказании» главным героем Куликовской битвы); второй раз топос употреблен по отношению к великому князю Дмитрию Ивановичу, но здесь он реализуется уже не формулой со значением «победил», а сообщением о том, сколько дней великий князь «стоял на костях», то есть находился на поле боя, хороня своих воинов. В разных редакциях «Сказания» ритуал «стояния на костях» описывается более или менее подробно. Это описание соответствует практике захоронения павших в битвах XVII в.

В Пространной редакции «Задонщины» формула «стать на костях» употреблена, как и в «Летописной повести о Куликовской битве», одновременно по отношению к обоим князьям — Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу. В «Задонщине» заметна тенденция примирить две противоположные точки зрения на то, кто был главным героем Куликовской битвы. Рядом с именем Дмитрия Ивановича, как правило, стоит и имя Владимира Андреевича, они действуют сообща, совместно «стали на костях». В Синодальном списке «Задонщины» топос «стояние на костях» осмыслен как «пляска на костях» поверженного врага, как радость от победы и богатой военной добычи, захваченной в стане ордынцев.

Можно констатировать, что в памятниках Куликовского цикла мы находим разное осмысление топоса «стояние на костях»: и отмеченное Д. С. Лихачевым (символ победы и победителя), и то, которое предложено О. В. Иванайнен (стояние на костях *противника*, попрапие поверженного врага), и то,

которое указано Д. Б. Терешкиной (оплакивание, отпевание и захоронение погибших соотечественников).

Композиционный топос «стояние на костях» искусно использовался авторами древнерусских повествований о битвах для выражения той или иной идеи, для утверждения той или иной мысли. Следовательно, «традиционный», «трафаретный» топос рассказов о битвах на самом деле оказывался в конкретном контексте вариативным не только с точки зрения реализующей его формулы, но и с точки зрения заключенного в нем смысла.

Топос «стояние на костях» нашел отражение в литературе и искусстве: в цикле стихов А. Клоковского «Куликовская битва» и в картинах, одна из которых (художника П. Рыженко) так и названа — «Стояние на костях». Таким образом, топос «стояние на костях» — один из структурных элементов рассказов о битвах — превратился в символ судьбоносной победы над врагами, доставшейся ценой огромных человеческих жертв, в символ «стояния за Русскую землю».

Список сокращений

- Н1Л* — Новгородская первая летопись
Н4Л — Новгородская четвертая летопись
НК-2 — Новгородская Карамзинская летопись
П1Л — Псковская первая летопись
П2Л — Псковская вторая летопись
ПКЦ — Памятники Куликовского цикла / сост. А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин; под ред. Б. А. Рыбакова и В. А. Кучкина. СПб.: БЛИЦ, 1998. 410 с.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М., 1978–1994. Вып. 1–12.
Повести-1959 — Повести о Куликовской битве / изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Сказания-1982 — Сказания и повести о Куликовской битве / изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л.: Наука, 1982. 422 с.
СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975–2019–...; вып. 1–31–... (продолжающееся издание).

С1Л — Софийская первая летопись

С2Л — Софийская вторая летопись

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

Источники

Задонщина. Список И-1 — «Задонщина». Список ГИМ, собр. Музейское № 2060 (И-1) // Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: к вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. С. 541–546.

Задонщина. Список У — «Задонщина». Список РГБ, собр. Ундольского № 632 (У) // Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: к вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. С. 535–540.

Задонщина. Список С — «Задонщина». Список ГИМ, собр. Синопольное № 790 (С) // Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: к вопросу о времени написания «Слова». М.; Л.: Наука, 1966. С. 550–556.

ПВЛ — Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 22–277.

Псковские летописи. Вып. 1 — Псковские летописи. Вып. 1 / пригот. к печ. А. Н. Насонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 146 с. Репринт: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Псковские летописи. М.: ЯРК, 2003. 256 с.

Псковские летописи. Вып. 2 — Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 363 с. Репринт: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. М.: ЯРК, 2000. 368 с.

ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3: Лаврентьевская летопись. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку [Московско-Академическая летопись]. Л., 1928. Стб. 489–540. Репринтное воспроизв. в кн.: ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: ЯРК, 1997. 496 с.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638 с.

ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. 3-е изд. (с доп. предисл. Б. М. Клосса). М.: ЯРК, 2000. 692 с. [факсимильное переизд. книги: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 640, [1] с.]

ПСРЛ. Т. 4: Новгородские и псковские летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. 372 с.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.

ПСРЛ. Т. 5. Псковская вторая и Софийская первая летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 286 с.

ПСРЛ. Т. 6: Софийские летописи: Продолжение Софийской первой летописи. Окончание Бальзерова и Горюшкинского списков; Софийская вторая летопись. СПб.: Типогр. Эдуарда Праца, 1853. 364 с.

ПСРЛ. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью [1362–1424 гг.] / под ред. С. Ф. Платонова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. 262 с. 3-е изд. (репринт). М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.

ПСРЛ. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью [1425–1505 гг.] / под ред. С. Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 272 с., разд. паг. (VI с., 266 с.); 3-е изд. (репринт). М.: ЯРК, 2000. 272 с.

ПСРЛ. Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. 2-е изд. Пг., 1922. 186 стб. Фототипическое воспроизв: *ПСРЛ*. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. 3-е изд. М., 1965; 4-е изд. М.: ЯРК, 2000. 432 с., разд. паг. (XII с., 186 стб., 29 с.; 504 стб., 35 с.).

ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись / под ред. А. Е. Преснякова. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. 321 с., разд. паг. (III с., 316 с.); Репринт издания 1913 г. М.: Знак, 2007. 328 с.

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1: Книга Степенная царского родословия (1–10 степени). СПб., 1908. 349 с.

ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

ПСРЛ. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского / подгот. текста О. Л. Новиковой. М.: ЯСК, 2004. 367 с.

Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 21–27.

Рассказ о Куликовской битве в Новгородской IV летописи [опубликован текст «Летописной повести» из 2-й подборки Новгородской Карамзинской летописи] // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 63–87.

Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 8–20.

Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 28–62.

«Сказание о Мамаевом побоище» в редакции Летописца князя И. Ф. Хворостинина // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 251–314.

Сказание о Мамаевом побоище (вариант Ундольского) // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 134–222.

Сказание о Мамаевом побоище (Летописная редакция) // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 77–108.

Сказание о Мамаевом побоище (по Забелинскому списку) // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 163–207.

Сказание о Мамаевом побоище (Распространенная редакция) // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 109–162.

Сказание о Мамаевом побоище Основной редакции по Ермолаевскому списку // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 223–250.

Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 49–72.

Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция [вариант «О»] // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25–48.

Примечания

- ¹ Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. С. 577.
- ² Исследовательница пишет о «формульности» агиографического и воинского повествования, которая может быть *вербальной* и *ситуативной*, причем агиографические «ситуативные формулы» («формулы-ситуации») она называет мотивами [Логунова]. О литературной формуле в еще более расширительном значении (любой культурно обусловленный стереотип) см., в частности: [Кавелти].
- ³ Книга Э. Р. Курциуса недавно переведена на русский язык, см.: [Курциус].
- ⁴ Западная литература (прежде всего немецких исследователей), содержащая полемику по поводу термина «топос», указана Т. Р. Руди [Руди, 2005: 59–62].
- ⁵ В 1985 г. А. М. Панченко еще отмечал, что «термин “топика” по какой-то причине не прижился в отечественной филологии (соответствующей статьи нет в “Краткой литературной энциклопедии”, включая ее дополнительный том). <...>. Между тем взгляд на искусство как на “эволюционирующую топику” прямо-таки завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» [Панченко: 236].

- ⁶ «Словесные штампы» являются в приведенных исследовательницей примерах словесным оформлением, реализацией определенных «сюжетных компонентов» — топосов. Так, топос «речь князя перед битвой» выражается определенными трафаретными выражениями в речи князя, а устойчивое выражение «в силе тяжце» является словесным штампом топоса «наступление врага».
- ⁷ Роль топосов как формул, организующих композицию текста, в 1948 г. отметил Л. Арбузов; в своде средневековых риторических «общих мест» он указал, в частности, четыре вида топосов вступления (экзордиума). См.: [Arbusow].
- ⁸ Выражаю искреннюю благодарность Н. И. Милютенко и Т. Р. Руди, которые прочитали статью и дали ценные советы.
- ⁹ В указанной Д. С. Лихачевым цитате из Лаврентьевской летописи под 1100 г. — «На *одном* ковре».
- ¹⁰ Д. С. Лихачев, как видим, связывал происхождение формул воинских повестей с этикетностью, церемониальностью, которыми был обставлен феодальный быт Древней Руси, А. С. Орлов видел источники воинских формул в переводной литературе, а А. Н. Робинсон предполагал народно-поэтические истоки стиля воинских повестей [Робинсон].
- ¹¹ Пунктуация дана в соответствии с летописью (*ПСРЛ*. Т. 2: 805).
- ¹² Так, в 10-й главе Книги Иисуса Навина читаем, что Иисус повелел всем израильтянам наступать ногами на шеи пяти Иевусейских царей после победы над ними: «Когда вывели царей сих к Иисусу, Иисус призвал всех Израильтян и сказал вождям воинов, ходившим с ним: подойдите, наступите ногами вашими на выи царей сих. Они подошли и наступили ногами своими на выи их. Иисус сказал им: не бойтесь и не ужасайтесь, будьте тверды и мужественны; ибо так поступит Господь со всеми врагами вашими, с которыми будете воевать» (Нав. 10:24–25). «Приказание израильтянам наступить на шеи побежденных царей в присутствии всего войска должно было со всей ясностью указывать всем на полную победу над ханаанитянами. <...> Этот символический обряд, служивший указанием на полное поражение врагов, употреблялся и в Византийской империи» [Лопухин].
- ¹³ В Хронографической редакции (список РНБ, Q.I.70, XVII в.) читаем: «И князи с новгородцы *стояли на костех три дни*, и отидоша князи во свою землю, а наvorgордцы приехаха в Новъгород и привезоша братию свою избивенных» [Охотникова: 203]. В Средней редакции (ГИМ, Синодальное собр., № 850, XVII в.) сказано: «И *стояша* князи с новгородцы на *костех три дни со всюю силою*, и отидоша во свою землю, и привезоша братию свою избивенных» [Охотникова: 208].
- ¹⁴ В Тихановском списке Псковской I летописи статья 1343 г. вклинивается между известиями 6738 (1230) г. См.: (*Псковские летописи*. Вып. 2: 11–12).
- ¹⁵ Московская повесть о походе князя Ивана III Васильевича на Новгород (список РГБ, ф. 178, Музейное собр., № 3271, последней четверти XV — начала XVI в.). По словам издателей, это наиболее ранний текст Повести (См.: ПЛДР: Вторая половина XV в. М.: Худож. лит., 1982. С. 392).

- ¹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского: репринт. воспроизведение изд. 5-го, выпущ. в 3 кн. с прил. «Ключа» П. М. Строева. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. 4. С. 64.
- ¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц пояснила выражение «на костях» как «на месте погребения убитых воинов». См.: [Адрианова-Перетц: 150].
- ¹⁸ СлРЯ XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 373 (слово «кость»).
- ¹⁹ Под литературным циклом чаще всего подразумевается «группа произведений, составленная и объединенная самим автором и представляющая собой художественное целое». Но в современной медиевистике принято специфическое толкование термина «цикл»: как «ряда произведений, сгруппированных вокруг какой-либо эпохи, библейского или исторического персонажа или предания» [Дарвин, Тюпа: 14]. В частности, широко используется медиевистами термин «Куликовский цикл» по отношению к произведениям о Куликовской битве, созданным в разное время (XIV–XV в.) разными авторами.
- ²⁰ Опыт реконструкции первоначального (внелетописного) текста Повести о Куликовской битве путем выделения позднейших вставок в «Летописной повести о Куликовской битве» см.: [Соколова, 2019: 76–109].
- ²¹ СлРЯ XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 26.
- ²² Неточная цитата из Псалтири (ср.: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онъ» — Пс. 117:24). Владимир Мономах после битвы в 1103 г. с половцами в своей речи к воинам использует ту же цитату (ПВЛ: 270).
- ²³ СлРЯ XI–XVII вв. М., 2008. Вып. 28. С. 52–54 (слово «степень»). Ср.: апостол Павел, будучи схваченным в Иерусалиме, произносит речь, «стоя на степенех» (Деян. 21:40).
- ²⁴ Высказывались сомнения, что на поле битвы среди огромного количества разлагающихся трупов можно было находиться 8 дней. Эта цифра приводится только в «Сказании», содержащем много недостоверной информации и гипербол, в том числе о количестве воинов, участвовавших в битве. Феофилакт Симокатта, византийский писатель и историк начала VII в., по поводу одной из битв пишет в своей «Истории»: «Закончив битву, ромеи возвратились в свой лагерь, когда уже глубокая ночь распростерлась над ними. На другой день рано утром ромейское войско захватило добычу и сняло оружие с убитых. Хосров и ромеи *пробыли на месте боя три дня*, но на четвертый ушли, так как от убитых пошел смрадный дух, и воины, задыхаясь, не были в состоянии перенести этого зловония» (Феофилакт Симокатта. История / пер. С. П. Кондратьева; послесл. Н. В. Пигулевой. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Кн. 5, глава XI. С. 131). Подборку сведений из древних европейских источников об отношении к павшим в сражении см.: «Поле боя после боя: Санитарные... и не только аспекты...» [Электронный ресурс]. URL: <https://milhistory.listbb.ru/viewtopic.php?f=43&t=949> (01.06.2021).
- ²⁵ Клоковский А. Куликовская битва. Стояние на костях [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/09/08/5106> (01.06.2021).

- ²⁶ Помимо указанного стихотворения цикл «Куликовская битва» включает стихотворения: Выступление; Смотр в Коломне; Утро перед боем; Поединок Пересвета с Челубеем; Бой передовых полков; Бой пехот; Падение стяга; На Красном холме; В засадном полку; Разгром; Вечер после боя и др. [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/avtor/klovovsky&book=3#3> (01.06.2021).
- ²⁷ Клоковский А. Куликовская битва. Стояние на костях [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/09/08/5106> (01.06.2021).
- ²⁸ Детальное сопоставление стихов Александра Блока из цикла «На поле Куликовом» с древнерусскими памятниками «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» см.: [Левинтон, Смирнов].
- ²⁹ [Федотов] (опубликовано под псевдонимом Е. Богданов); переизд.: Сентенция: историко-философский альманах. [Электронный ресурс]. URL: <http://mnemosyne.ru/library/fedotov-3.html> (01.06.2021).
- ³⁰ Клоковский А. Вечер после боя [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2008/10/26/2609> (01.06.2021).
- ³¹ Воспроизводится по изданию: [Митленко].

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина) // Воинские повести Древней Руси / под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 143–165.
2. Антонова М. В. Сюжетные топосы в агиографии: постановка вопроса // Вестник Брянского гос. ун-та. 2013. № 2. С. 172–175.
3. Башлыкова М. Е. Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 года // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Сб. 15. С. 187–416.
4. Булычев А. А. Куликово поле: Живые и мертвые. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2014. 88 с.
5. Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 2001. 291 с.
6. Державина О. А. Картины битвы в русской литературе XI–XX вв. // Проблемы изучения культурного наследия: [сб. ст.]. М.: Наука, 1985. С. 215–221.
7. Дмитриев Л. А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 464–470.
8. Евсева [Лобакова] И. А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI–XIX веков на Востоке России. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 1983. С. 120–125.
9. Зайнуллина С. Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 20 с.

10. Иванайнен О. В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. Сб. 16–17. С. 389–582.
11. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
12. Конявская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. Київ, 2004. Т. 3. С. 80–92.
13. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. / пер., коммент. Д. С. Колчигина / под ред. Ф. Б. Успенского. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. (Studia mediaevalia).
14. Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 72–95.
15. Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: сб. исслед. и статей / под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Наука, 1950. С. 53–92.
16. Лихачев Д. С. Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 5–16.
17. Логунова Е. В. Поэтика русского исторического повествования 20-х годов XVII века: топика и библеизмы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 29 с.
18. Лопухин А. П. Толкования на книгу Иисуса Навина [Электронный ресурс]. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_06/10\(01.06.2021\)](https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_06/10(01.06.2021)).
19. Мансикка В. И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб.: б. и., 1913. 137 с.
20. Медведев А. А. Поэтика святительских житий (на материале житий святых Петра, Алексия и Ионы Московских): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 24 с.
21. Митленко С. Последний из могикан — художник Павел Рыженко. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: [https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43263426482/Posledniy-iz-mogikan---hudozhnik-Pavel-Ryizhenko,-ch.1\(01.06.2021\)](https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43263426482/Posledniy-iz-mogikan---hudozhnik-Pavel-Ryizhenko,-ch.1(01.06.2021)).
22. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.
23. Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. 36 с.
24. Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л.: Наука, 1985. 232 с.
25. Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–251.
26. Пауткин А. А. Батальные описания Повести временных лет (своеобразие и разновидности) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1981. № 5. С. 13–21.
27. Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.

28. Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1989. Т. 42. С. 228–240.
29. Ревелли Дж. Старославянские легенды святого Вячеслава Чешского и древнерусские княжеские жития // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наследие, 1998. С. 79–93.
30. Робинсон А. Н. К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских повестей» Древней Руси // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 131–158.
31. Руди Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 211–227.
32. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования, публикации, полемика / отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 1. С. 59–101.
33. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 431–500.
34. Соколова Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника. (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 229–255.
35. Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве: к вопросу о взаимоотношении памятников // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 305–353. (а)
36. Соколова Л. В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 673–724. (б)
37. Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2019. Т. 66. С. 76–109.
38. Соколова Л. В. История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // Русская литература. 2020. № 3. С. 153–164. (а)
39. Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 643–682. (б)
40. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1893. Т. 1: А–К. 1420 стб.
41. Степанов А. Д. Понятие «топос» — проблема границ // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 41–46.
42. Творогов О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 277–284.
43. Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 29–40.
44. Терешкина Д. Б. «На Господа уповал — и не погибну: будущее в мотиве испытания в древнерусской воинской повести // Будущее как сюжет: сб. ст. и материалов по итогам научной конференции «Будущее как сюжет» (Тверь, 10–12 апреля 2014 года). Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 13–21. (Время как сюжет; Вып. 3.)

45. Трофимова Н. В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: Изд-во МПГУ, 2017. 274 с.
46. Федотов Г. П. На поле Куликовом // Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал. № XXXII. Париж, 1927. С. 418–435.
47. Arbusow L. *Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten.* Genève, Slatkine Reprints, 1974. Ss. 91–121.
48. Curtius E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.* Bern; München: Francke Verlag, 1984. 10 Aufl. 608 s.

References

1. Adrianova-Peretts V. P. Word About the Battle of Kulikovo of Sofoniy Ryazanets (Zadonshchina). In: *Voinskie povesti Drevney Rusi [Military Tales of Ancient Rus']*. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, pp. 143–165. (In Russ.)
2. Antonova M. V. Narrative Topos in Hagiography: Statement of the Issue. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*, 2013, no. 2, pp. 172–175. (In Russ.)
3. Bashlykova M. E. Topics of Lives in the Kiev-Pechersk Patericon of 1661 Edition. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2010, issue 15, pp. 187–416. (In Russ.)
4. Bulychev A. A. *Kulikovo pole: Zhivye i mertvye [Kulikovo Field: The Living and the Dead]*. Tula, State Museum-Reserve «Kulikovo Field» Publ., 2014. 88 p. (In Russ.)
5. Darvin M. N., Tyupa V. I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya [Cyclization in Pushkin's Works: Experience in Studying the Poetics of Convergent Consciousness]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001. 291 p. (In Russ.)
6. Derzhavina O. A. Pictures of the Battle in Russian Literature of the 11th — 20th Centuries. In: *Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya [The Problems of Studying Cultural Heritage]*. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 215–221. (In Russ.)
7. Dmitriev L. A. Review of the Editions of the Legend of the Mamaev Massacre. In: *Povesti o Kulikovskoy bitve [The Stories About the Battle of Kulikovo]*. Moscow, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 464–470. (In Russ.)
8. Evseeva (Lobakova) I. A. Analysis of the Formula Style of “The Tale of the Destruction of Riazan by Batu”. In: *Rukopisnaya traditsiya XVI–XIX vekov na Vostoke Rossii [The Manuscript Tradition of the 16th–19th Centuries in the East of Russia]*. Novosibirsk, The Siberian branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1983, pp. 120–125. (In Russ.)

9. Zaynullina S. R. *Traditsionnye formuly russkikh letopisey: struktura i semantika (na materiale «Povesti vremennykh let» po Lavrent'evskomu spisku): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Traditional Formulas of Russian Chronicles: Structure and Semantics (Based on the "Tale of Bygone Years" According to the Laurentian List). PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Izhevsk, 2015. 20 p. (In Russ.)
10. Ivanaynen O. V. "I Am" of the Chronicler in the "The Tale of Bygone Years", its Variants and Ways of Expression. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014, issue 16–17, pp. 389–582. (In Russ.)
11. Cavely J. G. The Study of Literary Formulas. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 22, pp. 33–64. (In Russ.)
12. Konyavskaya E. L. The Problem of Common Places in Old Slavic Literatures (with Reference to Hagiographic Material). In: *Ruthenica*. Kiev, 2004, vol. 3, pp. 80–92. (In Russ.)
13. Kurtsius E. R. *Evropeyskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e: v 2 tomakh [European Literature and the Latin Middle Ages: in 2 Vols]*. Moscow, Izdatel'skiy dom YaSK Publ., 2021. (Studia mediaevalia.) (In Russ.)
14. Levinton G. A., Smirnov I. P. "On the Kulikovo Field" by A. Blok and the Monuments of the Kulikovo Cycle. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, vol. 34, pp. 72–95. (In Russ.)
15. Likhachev D. S. Oral Origins of the Art System of "The Tale of Igor's Campaign". In: *Slovo o polku Igoreve: sbornik issledovaniy i statey [The Tale of Igor's Campaign: Collection of Studies and Articles]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950, pp. 53–92. (In Russ.)
16. Likhachev D. S. Literary Etiquette of Ancient Russia (to the Problem of Study). In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, vol. 17, pp. 5–16. (In Russ.)
17. Logunova E. V. *Poetika russkogo istoricheskogo povestvovaniya 20-kh godov XVII veka: topika i bibleizmy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of Russian Historical Narration in the 20s of the 17th Century: Topics and Biblicalisms. PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Moscow, 2006. 29 p. (In Russ.)
18. Lopukhin A. P. *Tolkovaniya na knigu Iisusa Navina [Interpretations on the Book of Joshua]*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_06/10 (accessed on June 1, 2021). (In Russ.)
19. Mansikka V. I. *Zhitie Aleksandra Nevskogo. Razbor redaktsiy i tekst [Life of Alexander Nevsky. Analysis of Editions and Text]*. St. Petersburg, 1913. 137 p. (In Russ.)
20. Medvedev A. A. *Poetika svyatitel'skikh zhitiiy (na materiale zhitiy svyatykh Petra, Aleksiya i Iony Moskovskikh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of the Holy Lives (Based on the Material of the Lives of Saints Peter, Alexy and Jonah of Moscow). PhD. philol. sci. diss. abstract]*. Moscow, 2017. 24 p. (In Russ.)

21. Mitlenko S. *Posledniy iz mogikan — khudozhnik Pavel Ryzhenko* [The Last of the Mohicans — Artist Pavel Ryzhenko]. Part. 1. Available at: <https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43263426482/Posledniy-iz-mogikan---hudozhnik-Pavel-Ryzhenko,-ch.1> (accessed on June 1, 2020). (In Russ.)
22. Orlov A. S. *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskiikh povestey (konchaya XVII v.)* [On the Peculiarities of the Form of Russian Military Stories (Ending with the 17th Century)]. Moscow, Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University Publ., 1902. 50 p. (In Russ.)
23. Orlov A. S. *O nekotorykh osobennostyakh stilya velikorusskoy istoricheskoy belletristiki XVI–XVII vv.* [Some Features of the Style of the Great Russian Belles-Lettres in the 16th–17th Centuries]. St. Petersburg, Printing House of Imperial Academy of Sciences Publ., 1909. 36 p. (In Russ.)
24. Okhotnikova V. I. *Povest' o Dovmonte. Issledovanie i teksty* [The Tale of Dovmont. Research and Texts]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 232 p. (In Russ.)
25. Panchenko A. M. Topics and Cultural Distance. In: *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics: Results and Perspectives of the Study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 236–251. (In Russ.)
26. Pautkin A. A. Battle Descriptions of the “Tale of Bygone Years” (Originality and Varieties). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 1981, no. 5, pp. 13–21. (In Russ.)
27. Priselkov M. D. *Troitskaya letopis': rekonstruktsiya teksta* [The Trinity Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 516 p. (In Russ.)
28. Prokhazka E. A. On the Role of “Common Places” in Defining the Genre of Ancient Russian Military Tales. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1989, vol. 42, pp. 229–240. (In Russ.)
29. Revelli Dzh. Old Slavonic Legends of St. Vyacheslav of the Czech Republic and Old Russian Princely Lives. In: *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, issue 9, pp. 79–93. (In Russ.)
30. Robinson A. N. To the Question of the Folk-Poetic Origins of the Style of “Military Stories” of Ancient Rus'. In: *Osnovnye problemy eposa vostochnykh slavyan* [Primary Problems of the Epic of the Eastern Slavs]. Moscow, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, pp. 131–158. (In Russ.)
31. Rudi T. R. “Steadfast Like a Pillar” (About One Hagiographic Topos). In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004, vol. 55, pp. 211–227. (In Russ.)
32. Rudi T. R. The Topic of the Russian Lives of Saints (Issues of Typology). In: *Russkaya agiografiya. Issledovaniya, publikatsii, polemika* [Russian Hagiography. Research. Publications. Controversy]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005, issue 1, pp. 59–101. (In Russ.)
33. Rudi T. R. On the Composition and Topic of the Lives of the Saints. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2006, vol. 57, pp. 431–500. (In Russ.)

34. Sokolova L. V. On the Characterization of the “Word” of Daniel Zatochnik (Reconstruction and Interpretation of the Original Text. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1993, vol. 46, pp. 229–255. (In Russ.)
35. Sokolova L. V. Chronicle Narrations About the Battle of Kulikovo: to the Question of Relationship of Monuments. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, vol. 63, pp. 305–353. (In Russ.) (a)
36. Sokolova L. V. Was the Short Editon of “Zadonshchina” First? (In Connection with New Works on Correlaton of “The Tale of Igor’s Campaign” and “Zadonshchina”. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, vol. 62, pp. 673–724. (In Russ.) (b)
37. Sokolova L. V. What Was Reported About Oleg Ryazansky in the Author’s Text of The Tale of the Battle of the Kulikovo? (To the Question of Later Insertions in “The Chronicle Tale”). In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, vol. 66, pp. 76–109. (In Russ.)
38. Sokolova L. V. Origins and Special Features of the Texts of the Kulikovskiy Cycle. In: *Russkaya literatura*, 2020, no. 3, pp. 153–164. (In Russ.) (a)
39. Sokolova L. V. To the Question of Dating and Authorship of the Legend of the Mamaev Massacre. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2020, vol. 67, pp. 643–682. (In Russ.) (b)
40. Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis’mennym pamyatnikam: v 3 tomakh* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in the Written Records: in 3 Vols]. St. Petersburg, Printing House of Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, vol. 1. 1420 columns. (In Russ.)
41. Stepanov A. D. The Concept of Topos: the Problem of Borders. In: *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2018, no. 2, pp. 41–46. (In Russ.)
42. Tvorogov O. V. Traditional Stable Phrases in the “Tale of Bygone Years”. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, vol. 18, pp. 277–284. (In Russ.)
43. Tvorogov O. V. The Tasks of Studying the Stable Literary Formulas of Ancient Russia. In: *Trudy Otdela Drevnerusskoy Literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, vol. 20, pp. 29–40. (In Russ.)
44. Tereshkina D. B. “I trusted in the Lord — and I Will not Perish: the Future is in the Motif of the Test in the Ancient Russian Military Tale. In: *Budushchee kak syuzhet: sbornik statey i materialov po itogam nauchnoy konferentsii «Budushchee kak syuzhet» (Tver’, 10–12 aprelya 2014 goda)* [The Future as a Plot: a Collection of Articles and Materials Following the Results of the Scientific Conference “Future as a Plot” (Tver, April 10–12, 2014)]. Tver’, Izdatel’stvo Mariny Batasovoy Publ., 2014, pp. 13–21. (Time as a Plot; issue 3.) (In Russ.)
45. Trofimova N. V. *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya* [Poetics of the Old Russian Military Narrative]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2017. 274 p. (In Russ.)

46. Fedotov G. P. *On the Field Kulikov*. In: *Sovremennye zapiski: obshchestvenno-politicheskiy i literaturnyy zhurnal*. № XXXII [Modern Notes: Socio-Political and Literary Journal. No. 32]. Paris, 1927, pp. 418–435. (In Russ.)
47. Arbusow L. *Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten* [Colores Rhetorici. A Selection of Rhetorical Figures and Common Places as a Tool for Academic Exercises on Medieval Texts]. Genève, Slatkine Reprints Publ., 1974, pp. 91–121. (In German)
48. Curtius E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* [European Literature and the Latin Middle Ages]. Bern, München, Franke Publ., 1984. 608 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Соколова Лидия Викторовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: 0000-0003-2220-0049; e-mail: liiso@mail.ru.

Lidia V. Sokolova, PhD (Philology), Leading Researcher, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), The Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2220-0049; email: liiso@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.09.2021

Принята к публикации / Accepted 01.10.2021

Дата публикации / Date of publication 15.11.2021